

МОЙ ДРУГ ВАСЯ

Уж если какой-то человек начинает приставать к окружающим с разговорами о своих собаках или кошках, то это – первый признак усталости от общения с людьми или свидетельство неполной гармонии в его ближайшем окружении. На следующей ступени он просто начнёт громко разговаривать со своим четвероногим любимцем, совсем не обращая внимания на себе подобных. И вправду, что от них ожидать, разве только скажут, чтобы не сюсюкался с животными и больше обращал внимания на людей (как будто стареющий персонаж не успел за свою жизнь насмотреться на своих собратьев).

Отчётливо сознавая опасность обвинений в преждевременном старческом слабоумии и риску показаться жалким, глупым и смешным, я всё-таки попробую рассказать о той части жизни, которая связана с любимым моим котом, хотя и не уверен, что способен по-настоящему сделать это. Впрочем, такие

сомнения сопровождают все мои затеи с описанием прошлых событий, пора, наверное, и привыкнуть.

Летом 1990 года я оказался сидящим на лавочке у одного из подъездов нашего дома вместе с двумя или тремя старушками – последними постоянными хозяйками этого места. Сейчас бабушек уже нет в живых, и на остатках выломанных дощечек постоянно кучкуются непонятно откуда взявшиеся бритые или безобразно лохматые подростки.

Вообще-то, по свойствам суетливого характера я не принадлежу к любителям пассивного сидячего времяпровождения и поэтому сейчас уже не могу вспомнить, по какой причине я оказался в окружении пожилых женщин, и о чём у нас шла речь. Но во время нашей беседы без каких-либо встречных действий с моей стороны из-под лавки на колени ко мне прыгнул симпатичный кот «тигрового» окраса и стал проявлять обыч-

ные для этих зверей признаки дружеского расположения: тереться, мурлыкать и т.п. Наверное, читатель уже догадался, что это и был главный герой моего рассказа.

Следует сознаться, что поведение милого моему сердцу зверя было мне не в диковину. Несмотря на свою антикошачью фамилию, я постоянно служу центром притяжения не умеющих заглядывать в паспорт кошек, что проверено в самых разных точках бывшего СССР, включая, например, заграничный ныне Таллин. Правда, на капиталистическом Западе, куда и меня разок (уже после описываемых событий) занесла судьба, фламандские кошки никак не реагировали на мои заигрывания: наверное, они догадывались, что я ни бельмеса не понимаю по-ихнему. Но это я отвлекаюсь от главной нити сюжета в интересах истины.

На сей раз, взаимное проявление симпатий зверя и человека происходило не в какой-то Европе, а в непосредственной близости от квартиры последнего, и поэтому старушки в один голос стали уговаривать меня взять

дворового кота домой на постоянное жилище, расхваливая при этом необыкновенные душевные качества нового знакомого.

Надо сказать, что просьбы эти попали на совсем неподходящую почву. Один раз, лет двадцать тому назад, мы уже заводили у себя модного в те времена «сиамского» кота, и породистый интеллигентный красавец прожил в нашей квартире семь лет. Но это было время устойчивого существования нашего семейства: в относительно здоровом состоянии находились представители трёх поколений, дома всегда были люди, в общем, — шла нормальная жизнь, и всеобщий любимец — кот Мальчик — был её неременной частью. Но и в таких «идеальных» условиях кончил он плохо: подравшись «насмерть» с соседским котом, мимоходом располосовал ногу своей кормилицы — нашей бабушки, и его пришлось с драматическими последствиями удалять из дома.

Чтобы не прятаться за иносказаниями, я должен подробно рассказать, как это про-

изошло. Когда случилось несчастье со злополучной кошачьей дракой, вопреки обыкновению, мать позвонила мне на работу. Рана на ноге была такой, что пришлось обращаться в больницу для наложения швов. Не меньше людей потрясённый случившимся кот сидел в углу комнаты. Конечно, мне было жалко и его, тем более, что я понимал: не следовало человеку вступать между дерущимися животными. Но вид раны на ноге матери и отсутствие гарантий, что подобное не случится ещё раз, подталкивали меня к единственно возможному решению. Я взял кота в машину и повёз его в ветеринарное заведение, оно находится в десятке километров от нашего дома.

Не стану говорить, каково было на душе. Любимец наш практически никогда не выходил из дома (только верхом у меня на шее), он знал все детали обустройства комнат и чутко реагировал на малейшее их изменение, не говоря уж о вторжении незнакомых людей и животных. Чистейший и регулярно принимающий ванны зверь пользо-

вался по-человечьи туалетом, даже кошек ему доставляли прямо в резиденцию. И вот теперь всё это рухнуло в одночасье, вдобавок «придавив» меня тяжестью невидимых моральных обязательств перед беззащитным и доверенным мне (непонятно кем) животным.

По счастью, среди ветеринарных работников оказались девчонки, которые, выслушав мою историю, просто забрали себе роскошного элитного кота. Хотя при таком повороте дела никакого живодёрства не произошло, настроение у меня было «хуже губернаторского». Мне пришлось даже на обратном пути свернуть с дороги в лес и отстаиваться там полчаса, пока я «пришёл в меридиан» и почувствовал себя способным нормально вести машину. Самые чудовищные предчувствия какого-то надвигающегося несчастья давили и терзали душу.

Уж не берусь разбирать обоснованность этих переживаний, но на деле всё и пошло дальше под гору: у мамани открылся рак лёгких, она потеряла подвижность и долгих

два года перед смертью мучилась, лёжа в постели. После этого семейство сразу потеряло свою устойчивость, вроде стола или стула, у которого отломилась ножка. Впрочем, всё это может быть и простым совпадением по времени с драмой маленького зверька, все мы немножко дикари и постоянно норовим связывать воедино разные явления огромного мира...

Дома я не сказал о деталях выполнения своей палаческой функции, но примерно через месяц, перед отъездом в очередное автомобильное путешествие, не выдержал характера и проговорился жене. Сразу после этого она отправилась к ветеринарам, нашла у них кота, забившегося в углу двора деревенского дома, и возвратила его в нашу квартиру. Страдальца вымыли, он узнал все окружающие предметы, но жить больше не смог: видно в злом большом мире кто-то сильно покалечил ему тело или душу. Жена похоронила Мальчика в лесу, по извечной бабьей доле приняв на себя и эту тяжесть...

Все перечисленные события прибавили во мне груз постоянного чувства вины перед животными, и мы с женой дали негласный зарок больше не брать на себя неподъёмных обязательств перед четвероногими. Конечно, мы продолжали подкармливать бездомных собак и кошек и даже водили с ними длительную дружбу. Например, объектом такой дружбы семь или восемь лет был умнейший пёс, обитавший возле спасательной станции на берегу водохранилища. Но до «моря» расстояние от нашего дома около километра, на скорую руку туда особенно не набегашься. Поэтому более частыми обладателями наших мясных и рыбных объедков были многочисленные бездомные кошки и коты.

Дворовые коты нашего панельного дома обитают в подвале, устройство и состояние которого достойно отдельного описания для характеристики проходящей эпохи. По замыслу строителей в довольно-таки просторных помещениях бетонного цоколя должны были располагаться подсобные кладовки, в которых жильцы могли бы хранить неис-

пользуемые вещи и запасы продовольствия. При сдаче дома соответствующие закутки из необструганных горбылей, перемазанных известью, с жиденькими замками на кривых дверях были отданы каждому квартиросъёмщику. Но очень скоро выяснилось, что в тёплой сырости подвала с вечно протекающими трубами хранить ничего нельзя, а то немного, что жильцы рискуют помещать в кладовки, мгновенно расхищается бездомными бродягами. Буквально все плюнули на своё дополнительное имущество, сначала двери кладовок, а потом и сами горбыли непонятным образом «испарились» из подвала, и единственными хозяевами его остались бродячие кошки. В условиях суровой нашей зимы тёплые закутки на трубах отопления компенсировали для них сырость, грязь и постоянную угрозу свалиться в лужи дерьма, почти всегда скапливающегося внизу неухоженного помещения. Сообщение с внешним миром осуществляется через бывшие окна подвала: стёкла в них почти сразу были выбиты, а в картоне, которым заделыва-

ются дыры во время ежегодных кампаний подготовки к зиме, всегда какой-нибудь доброхот проделывает нужные отверстия. В доме нашем 75 квартир, при таком обилии народа всегда находятся люди, жалеющие попавших в беду зверей и подкармливающие их чем Бог послал. С переменами общественной жизни и в связи с запустением Городка бродячие собаки у нас вывелись: видно им существовать на такие нерегулярные подаяния оказалось не вмоготу. Ну а кошкам много пищи не нужно.

Всё же следует сказать, что внешний вид и общее состояние бездомной разновидности представителей грациозного семейства при таком способе существования стали весьма плачевными. Большинство животных имеет грязную и неопрятную шерсть, глаза вечно слезятся, да и само телосложение бродяг оставляет желать лучшего: многие рождаются от таких же больных кошек и с самого начала не получают нормального питания. Апофеозом моих наблюдений этого печального процесса был слабенький котёнок, впервые

выбравшийся из подвала по весне на солнышко и тут же околевший от нахлынувшего на него огромного светлого мира.

Подобно жителям верхних этажей бетонного барака, большинство из которых даже не догадывается о степени убогости и несоответствии человеческому достоинству своего жилища, обитатели подвала тоже приспособились к сложившимся условиям существования. Несмотря на все перечисленные выше грустные обстоятельства, в беспризорном кошачьем сообществе идёт обычная для этих зверей жизнь: коты устанавливают первенство, по весне в прилегающем лесочке раздаются душераздирающие «концерты», непрерывно идёт несколько искажённая городской «цивилизацией» борьба за существование, в ходе которой определяются и свои победители, и свои побеждённые. Все оттенки сложившейся при этом иерархии можно наблюдать при разделе принесённой к лазу в подвал пищи: молниеносные ловкие «оплеухи» и угрожающие звуки раздаются направо и налево. А самые

агрессивные «дикари» вообще плюют на человека и его подаяния и становятся ловкими охотниками за голубями и белками. В результате белки, множество которых поначалу было расселено у нас в посадках лесопарковой зоны, почти полностью исчезли не только рядом с домами, но и со всей территории Городка.

Наверное, пора кончать маловыразительное описание общей картины, всё-таки жанр моего рассказа – портрет.

А персонаж – ласковый годовалый кот Вася – никак не походил на своих драных собратьев, может быть он и вырос-то при людях, которые потом подло выбросили его на улицу. Шерсть на нём лоснилась, телосложение и упитанность никак не выдавали плебейского образа жизни. После памятной встречи он начал злоупотреблять знакомством при раздаче пищи на улице, а потом как-то незаметно стал приходить к нам домой на предмет индивидуального продовольственного снабжения: по складу характера он был из тех ласковых телят, которые одним разом

двух маток сосут. Не успели мы и глазом моргнуть, как серый дипломат стал полноправным членом нашего семейства.

Уж не знаю, существовал ли в Васиной голове хитроумный план этой операции, но проведена она была с безукоризненным чувством такта и полного учёта местных особенностей. Новый жилец сразу же показал, что не претендует на полный пансион, и все неприглядные жизненные функции, например, — туалет — будет выполнять по-прежнему на свежем воздухе. Не было заявлено никаких претензий на упражнения с заточкой когтей, осмотром содержимого оставленных на столе кастрюль и тарелок и тому подобных обычных проказ домашнего кошачьего племени. В общении с людьми новый друг обходился минимумом звуковых сигналов, они подавались только при крайней необходимости (например, когда становилось невтерпёж с выходом на улицу) очень негромко и сопровождались такими красноречивыми жестами, что не понять причину обращения к помощи человека мог

только совсем бездушный тупица. Кот быстро отметил остатки культа чистоты, которые ещё витают в нашем жилище после смерти мамани, и снисходительно терпел обтирания мокрой тряпкой после прихода с улицы и даже более основательные купания, когда его шкура начинала откровенно пачкать окружающие предметы и издавать слишком явные запахи. Правда, рассказывая это, я несколько забегаю вперёд: поначалу пушистое одеяние молодого Васи вовсе не требовало очистки, но за шесть лет нашей дружбы он постарел и уже не так внимательно следил за своей внешностью.

Всё-таки я зря высказал гипотезу о прежней Васиной «домашней» жизни: он напрочь не умел играть с предметами, которые привязывают к нитке и изображают мышь. Единственные артистические таланты, которыми его наделила Природа, относились к сфере поглощения пищи и сна.

В первом своём призвании Вася твёрдо усвоил абсолютную неуверенность не то что в завтрашнем дне, но даже и в следующем се-

ансе приёма пищи. Попад на кухню, он наедался до такого состояния, которое просто исключало физическую возможность поглотить что-либо дополнительное к принятой порции. Очень скоро мы уяснили себе, что насытить нового члена семьи можно только специально купленной для этого варёной рыбой, а наши объедки достаточны лишь для создания разнообразия в рационе жадного проглота.

Каждый сеанс питания нашего зверя представлял собой одноактную пьесу, действие которой развёртывалось по достаточно однообразному сценарию. Но и в таких ограниченных рамках жанра спектакль имел постоянный успех у двуногих зрителей, что несомненно свидетельствует о незаурядном таланте единственного и несменяемого артиста.

Попад с улицы в квартиру, кот немедленно отправлялся на кухню и начинал заглядывать потенциальным кормильцам в глаза до тех пор, пока на специально отведённое место не застилалась газета, играющая роль

салфетки или скатерти. С этого момента очередной номер «Известий» или рекламных изданий приобретал особые свойства (его, например, уже нельзя было убирать или передвигать на другое место) и превращался в охраняемый котом объект. Если кто-то и мог уговорить Васю отвлечься на некоторое время и посидеть на тёплых человеческих коленях, всё равно, внимание зверя было приковано к заветному листу бумаги, и, поколебавшись немного, он спрыгивал на пол, чтобы занять привычное место на газете.

Тем временем кормящий человек должен был поместить в специальную кружку достаточное число заготовленных кусочков свежемороженого минтая и поставить вариво на плиту. В необходимое для закипания воды в кружке время накал страстей в кухне нарастал в гиперболической зависимости. Если в начале этого процесса ещё можно было заниматься уже упомянутым мытьём шкуры (не отрываясь полностью от газеты), то с появлением характерного запаха варё-

ной рыбы ни о чём подобном и заикаться было нельзя. Зверь постоянно показывал человеку выразительными движениями, что нужно нести кружку к раковине, студить рыбу и подавать её на «стол», то бишь газету. Все гласные уверения, что так оно и будет сделано, ссылки на многократные прецеденты прошлого, заявления о непригодности кошачьей пищи для человека не принимались во внимание. Очень часто страсти разгорались до такой степени, что малоразговорчивый зверь даже издавал жалобный негромкий звук, свидетельствующий о крайней степени отчаяния и неуверенности в желанном получении пищи. Когда же человек приближался к плите, а тем более, — начинал переносить кружку к раковине и пускать холодную воду для охлаждения рыбы, священная газета предавалась временному забвению, и начинался танец «восьмёрками» у ног кормильца или кормилицы, который вполне мог свалить последних с ног. Чтобы этого не случилось, я, например, всегда держался свободной рукой за какие-нибудь на-

дёжные предметы, размеры кухни позволяют сделать это в любой точке.

Наконец в меру разваренные дымящиеся куски минтая появлялись в специально купленной в зоомагазине удобной иностранной кошачьей плошке. Наверное, все положительные качества этого предмета не прошли незамеченными Васей, но кушать прекрасную отечественную пищу он предпочитал только на нашей демократической газете или местных рекламных бесплатных листках.

Среди моих коллег, занимающихся дискретными оптимизационными задачами, наибольшей популярностью пользуется, пожалуй, так называемая «задача о ранце». Суть её сводится к поиску рациональных способов укладки разного размера предметов в ограниченном объёме этого самого ранца. В смысле данной классической проблемы представляет интерес, как решал подобную задачу наш хвостатый философ. Он мгновенно оценивал относительную привлекательность поданных ему кусочков рыбы и

без колебаний обязательно начинал с самого хорошего: большего по размерам, без плавников и т.п. Где бы ни находился этот «рекордсмен», именно он первым извлекался из плоски, переносился на газету и...

Пока раздаётся неприглядное (с человеческой точки зрения) чавканье и блаженное урчание, дадим читателю время самостоятельно сопоставить свои аналогичные решения с первородной естественной политикой кота, которому неизвестны такие понятия, как вера в обещания, стратегический дальновидный расчёт и прочие премудрости человеческого поведения...

По мере убывания пищи в плоске соответственно явным образом увеличивалась толщина Васиного туловища в районе расположения желудка, движения артиста становились заметно вялыми, и увеличивалась масса объедков, уже не привлекающих его внимания. Наконец, зверь мысленно махал лапой и приступал ко второму блюду, которое в лучших обстоятельствах представляло собой плоску подогретого молока. Когда

жидкость заполняла все оставшиеся части желудка, с трудом передвигающий ноги артист полностью терял интерес к кухонным делам и приступал ко второй части своего ежедневного представления – художественному сну.

Пока мы не полностью расстались с кухонной темой, заметим, что как только сложная кошачья система наблюдения за окружающей средой сообщала спящему, казалось бы, мёртвым сном Васе признаки скопления обитателей дома в кухне, зверь опять мгновенно оживал и присоединялся к обществу. При этом он занимал характерную позу хвостом к столу и, соответственно, – лицом к плоске, которая позволяла немедленно приступить к пожиранию поступающих объедков человеческого питания. Головки куриных костей во время этих процедур хрустели так, что сторонний человек, не присутствующий на сеансе основного кормления, вполне мог принять нашего друга за несчастного изгоя общества.

В отличие от места приёма пищи и самого рациона питания, за шесть лет пристрастия кота к различным частям квартиры перетерпели множество изменений. Вначале он даже ютился в нижней части узкого встроенного в прихожей шкафа, чутко следя за всеми проходящими людьми. Как раз в это время у нас жила оканчивающая последний класс школы внучка, так что выбор безопасного места в данных обстоятельствах можно признать вполне обоснованным.

Заметив, что среди варежек и рукавиц спать коту неудобно, я соорудил ему специальную лежанку из полированных досок, подобно настоящим кроватям несколько приподнятую над полом. Лежбище мы снабдили «матрасом» и «подушкой» соответствующего размера. Но после нескольких пробных сеансов это ложе было забраковано: всё-таки сон рядом со снующими людьми не совсем подходит котам, которые, как известно, живут сами по себе.

Дальше последовал длительный период проживания в кресле с меховой накидкой из

старой детской шубейки, которое освободилось в моей комнате: дочь подарила мне настоящий немецкий шедевр для работы у компьютера. Пространство ограниченного подлокотниками сидения несколько стесняло особенно вольные позы спящего, но зимой меховая подстилка была кстати для дополнительного сохранения тепла, что испокон веков не последнее дело для кошек. Так бы оно и продолжалось до конца Васиной жизни, но относительно большого зверя подвели совсем маленькие. Было замечено, что блохи, в изобилии размножающиеся летом в шкуре кота, не ограничиваются поеданием своего «авианосца» и готовы перекочевать на других обитателей дома. Поэтому параллельно с механическими и химическими средствами борьбы против прыгучих членистоногих нам с котом со стороны жены был предъявлен ультиматум, согласно которому все спальные комнаты объявлялись запретными для Васи.

Надо сказать, что зверь раньше меня смирился с введёнными новыми правилами и

стал дисциплинированно спать на специально выделенном меховом лоскуте в большой общей комнате. Боясь обвинений в преувеличениях, я не стану описывать принимаемые при этом позы: по моему мнению, любые па классических и народных танцев меркнут на фоне этого грациозного великолепия с одной только разницей: смена поз происходила в очень замедленном темпе, и появление каждого нового шедевра можно было ожидать и не один час. Наиболее эффектно выглядело изображение «умирающего лебедя»: за неимением крыльев кот ложился на спину, а все четыре лапы принимали положение непередаваемого утомления. По-моему, кот во время своих «хореографических» выступлений, подобно всем актёрам, подло подглядывал за нами в щёлки глаз, чтобы убедиться в полноте произведённого впечатления. Очень часто зрители не выдерживали накала восторгов и принимались гладить артисту пушистое брюхо, это действие заменяло аплодисменты, а так-

же неуместные в маленькой комнате крики «Браво!» и «Бис!»

Однако, опять же рискуя проявить субъективные пристрастия, я всё-таки скажу, что период проживания в моей каюте вдали от телевизора и прочего шума остался в Васиней памяти как более счастливое время. И после введения «блошиных» запретов, проходя мимо двери в мой закуток, он постоянно норовил свернуть по старому адресу, и только укоризненное «Ну!» или «Вася!» сопровождающего человека возвращало его к новым порядкам.

Последние годы наш зверь начал стареть, да и в доме зимой стало не так тепло, как раньше. Поэтому Вася не возражал, когда его во время сна дополнительно укрывали старым бабушкиным белым платком, вместе с уже упомянутой меховой подстилкой этот платок стал постоянным атрибутом его домашней жизни.

Наоборот, летом, в короткий период сибирской жары, кот искал прохлады на балконе. Он пристраивался там не просто в тени

или на сквозняке, но ещё и так, чтобы наблюдать в щели за проходящими далеко внизу явлениями (мы живём на пятом этаже).

В этом месте рассказа самое время вспомнить о второй половине Васиной жизни, которая протекала не в тихой квартире, а среди его сородичей на прилегающей к дому территории и в подвале. Переход между этими двумя мирами я ощущал совершенно явственным образом по состоянию своего друга, которого имел обыкновение переносить в подъезде на руках: в пятнадцати квартирах у нас обитает восемь или десять собак, а с ними шутки плохи. К этим недругам нужно добавить и кота Пуха с первого этажа, который тоже не питает к нам дружеских чувств.

Взобравшись ко мне на руки для путешествия на улицу, поначалу Вася являл собой ангельское смирение, его тело мягко покоилось на руках, а если вокруг никто не подглядывал за нами, кот мог и «поцеловать» меня, прикоснувшись к щеке своим влажным живым носом. Но как только многочис-

ленные органы чувств хищного животного улавливали приближение опасности (это не обязательно мог быть другой зверь, входные двери подъезда тоже принадлежали враждебному миру), мышцы кота превращались в стальные пружины, готовые в мгновение ока к действию. Тут уж и мне следовало быть настороже: выполняя простую функцию опоры для прыжка, запросто можно было получить немалые раны от когтей.

Один раз в потёмках входного тамбура при открытии наружной двери перед нами неожиданно оказалась немецкая овчарка со своей хозяйкой. Кот мгновенно превратился в ракету, пролетев на высоте одного метра расстояние около трёх метров и немало удивив своим полётом не только хозяйку собаки, но и само менее расторопное встречное животное.

Иногда на выходе из подъезда рядом оказывался уже помянутый кот Пух. Вася также молниеносно перевоплощался из ангела в чёрта и, ни слова не говоря, яростно загонял

своего врага почти на самую макушку ближайшей берёзы.

Достаточно поучительно было и обратное движение с улицы в квартиру. Разбаловавшись от сытой жизни (грязные объедки в подвале были давно забыты), Вася не придерживался строгого графика посещений нашего дома и постоянно менял время появления перед зрителями. Исключение составляли ещё случавшиеся прецеденты наших с женой отъездов. Сообразительный нахлебник тут же определял время ухода и возвращения дочери с работы и поджидал её в соответствующие моменты возле подъезда.

Что же касается меня, то кот правильно решил, что я уж никуда не денусь, и спокойно ожидал призывных звуков «кис-кис», отсыпаясь на тёплых трубах подвала. Кстати, тембр моего голоса он распознавал великолепно и не раз появлялся из кустов во время моих ночных прогулок с двуногими приятелями в самых разных местах прилегающей к дому территории.

А, вылезши из подвального лаза, Вася демонстрировал всему миру свою независимость от хозяина: он потягивался передним и задним «мостом», чесался, откровенно отворачивал от меня физиономию и крайне неохотно шёл на руки даже при необходимости двигаться по противному мокрому бетону или снегу. Снисходительно согласившись, наконец, на бесплатный «проезд», он продолжал чутко следить за окружающим миром: напрягался, приближаясь к углу здания, «отслеживал» собак и кошек на приличном расстоянии и т.п.

Из всех этих «фокусов» меня больше всего поразил один случай взаимодействия с окружающим миром. Было лето, и я шёл с котом на руках вдоль стены нашего дома. В одном из открытых окон первого этажа сидела молоденькая хвостатая красавица. Когда мы поравнялись с ней, обычно безголовый Вася, не поворачивая головы, издал изумительной красоты грудной звук, эквивалентный десятку серенад своих человеческих прототипов. Явление это поразило ме-

ня не меньше, чем звуки человеческой речи кота, тем более, что такие разговоры между нами были обычным делом во сне.

По мере приближения к дверям квартиры Вася опять «обмякал» и превращался в кошачьего ангела, не способного укусить или оцарапать человека ни при каких обстоятельствах.

Так, мы опять вернулись в квартиру, а речь-то идёт о внешнем мире.

Все происходящие там события нам приходилось воспринимать косвенным образом: в основном — при лечении многочисленных ран различного происхождения. Конечно, большую часть телесных повреждений мой друг получал от себе подобных. На когтях соперников оставались целые куски Васиной кожи, так что приходилось только удивляться заложенной в зверя жизненной силе, когда участок со сплошными шрамами заново зарастал шерстью. Кот терпеливо переносил смазывания «зелёнкой», в результате чего его иной раз можно было принять и за хамелеона. Кроме своего механического

действия, когти противников заносили грязь в раны. В результате нам один раз пришлось даже вскрывать огромный подкожный нарыв на голове нашего драчуна. За неимением знакомых ветеринаров для этого сложного дела была приглашена знакомая докторша из числа равнодушных к животным.

Разумеется, повреждением кожи многочисленные последствия драк не ограничивались: сначала какой-то негодяй сломал Васе хрящ на правом ухе, потом мы обнаружили нехороший выступ на груди. Но чтобы читатель не подумал лишнего о бедном и обиженном животном, следует упомянуть и клочья чужой шерсти, которые почти всегда можно было найти под когтями у «невинного ягнёнка».

Однажды летом и наш кот стал жертвой пакости под названием «ушной клещик». Несчастный в кровь расчёсывал за уши, пытаясь таким путём избавиться от боли. За немалые деньги в сельскохозяйственной академии были приобретены лекарства, од-

но из них пришлось вводить (опять с помощью знакомого доктора) уколами в холку.

Многие домашние собаки и кошки терпеливо переносят лечение, но, пожалуй, наш Вася был образцом подобного разумного поведения. Завидев приближение эскулапов (особенно не из состава нашего семейства), он прижимался к полу, жалобно смотрел на источник опасности, но, в конечном счёте, всегда давался выполнить самые неприятные процедуры. Чтобы хоть как-то восстановить справедливость, после перенесённых мучений страдальцу почти всегда скармливалось сырое яйцо, как я понимаю, эта пища была верхом его кулинарных вожделений.

«Чисто медицинские» страдания не исчерпывали список несчастий в жизни нашего кота. Однажды, в лютый мороз, жена водворила его домой после «купания» в грязной жиже на дне подвала. Дрожащий всем телом кот ошалело смотрел на людей, неестественно коричневая мокрая шкура не только имела отвратительный вид, но и несла собой грозную опасность простуды и воспаления

лёгких. Пока во время мытья животное восстановило свой естественный цвет, воду пришлось сменить несколько раз. К счастью, с воспалением лёгких дело, на сей раз, обошлось, но поволноваться всем пришлось немало.

Наверное, в этом месте рассказа самое время привести доказательства нашей особой дружбы с Васей: ведь упомянутых «поцелуев» никто из посторонних не видел.

Представьте себе вечернее время и редкую ситуацию, когда все члены нашего семейства собрались вместе в большой комнате. Спящий кот, конечно, отметил изменение внешней обстановки и принял решение тоже присоединиться к беседе. Он встаёт и начинает оглядывать сидящих на предмет выбора наиболее подходящего партнёра для объятий. Ревниво относящаяся к этой процедуре дочь приказывает всем не шевелиться и не провоцировать животное. К моему восторгу «эксперимент» всегда кончался одинаково: Вася оказывался у меня на руках, а дочь, понося неблагодарных «мужиков» последними

словами, уходила прочь, чтобы не видеть своего вероломного подопечного. Все мы любили кота, и, наверное, не следует прикладывать какие-то «линейки», пытаюсь определить размеры нашего чувства. С приходом домой каждый из нас сразу смотрел на специальный знак, вывешиваемый на косяке входной двери. Если четвероногий друг находился дома, то к зрителю поворачивалась лицевая часть знака с изображением глянце-вой физиономии очень похожего на Васю кота с пакета корма «*KITEKAT*». В противном случае появлялась надпись на обороте: «Мяу! Я замёрз и хочу кушать. Вася».

Так и шла наша общая жизнь, в которой приход домой вечно голодного милого зверя всегда был светлым лучиком и приветом от бесконечного праздника существования большого и разнообразного своими обитателями мира.

В последний день уходящего 1996 года у нас в семье что-то не заладилось. Жена прихворнула, и у неё было отвратительное на-

строение. Мы даже не собирали обычного праздничного стола. Вася, конечно, почувствовал перемены в атмосфере дома и уже в десять вечера попросился на улицу. Занятый своими мыслями о возможной вине в так нескладно проходящей смене номера года я отнёс своего друга на выход из подъезда и, как всегда, открыл ему тяжёлую входную дверь на пружине. На улице стоял изрядный мороз, и дул ветер с метелью. Осваиваясь в изменившейся обстановке, Вася сел на крыльце спиной к двери, зябко пустил характерную «волну» по своей «шубе», но вдруг обернулся и по-человечьи посмотрел на меня. Раньше он никогда этого не делал: с выходом на улицу всё его внимание переключалось на внешний мир. Но, по извечному людскому эгоизму, я не придавал значения этому взгляду и, боясь простудиться, вернулся домой. А все нахлынувшие потом дурные предчувствия никак не связывал с поведением кота.

Прошла и эта злополучная новогодняя ночь, потянулась обычная чередой событий

следующего года, но радостных визитов Васи среди этих событий уже не было: мой друг бесследно пропал. Никакие расспросы других любителей животного мира, осмотры заваленных снегом окрестностей дома и напрасные распахиwania входной двери от почудившегося Васиного мяуканья не имели ни малейшего успеха. Сначала от греха подальше убрали с видного места свёрток с меховой постелью и платком, потом плошку и другую кошачью посуду, потом памятный знак с косяка двери. Запасы мороженой рыбы были отданы другому коту, а объедки снова стали направляться к лазу в подвал. Внешне могло показаться, что всё вернулось на круги своя. Но опытный читатель отлично знает неправду подобных заявлений: ничего в нашей жизни не проходит бесследно...

Вопреки обыкновению, я умышленно не стал обильно помещать в тексте рассказа имеющиеся у меня в некотором количестве фотографии нашего друга: все они достаточно однообразны для стороннего наблю-

дателя и, как правило, просто изображают спящего на солнышке зверя.

И, действительно, «Кому он нужен, этот Васька?»

*© Владимир Вениаминович Брыскин.
Издание автора. Новосибирск. 1997
E-mail: brys@math.nsc.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>*